

БОРИС КУЗНЕЦОВ

Великое кино

Рассказ
мастера

Клуб воздвигали лет за пять до войны. Люди строили социализм, но они не очень понимали, каким он должен быть, и видели его в своих мечтах большим и светлым. И клуб получился большой, белый, с колоннами. К нему вела широкая лестница, стилизованная под мрамор, окаймленная массивными бетонными перилами. В перегибах перил стояли гипсовые вазы. Летом они краснели ноготками и пестрели аютиными глазками. И еще. Один недавний мудрец сказал, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино», а вера в этого человека была непоколебимой, и поэтому кинозал в новом клубе мог вмещать больше десятка тысяч зрителей.

потом началась война, и строительство светлого будущего прервалось.

Зима тянулась долгая и холодная. Вечерами по улицам с деревянными винтовками маршировали отработавшие длинную смену в цехах мужчины призывного и допризывного возраста. Под командой фронтовика, получившего отсрочку после ранения, они «штурмовали» Крутиху – гору, до блеска заезженную салазками и самокатами. Мальчишки бегали смотреть, возьмут или не возьмут «наши» Крутиху? Но «наши» взять ее не могли, слишком скользким был подъем. И на другой вечер эти, а, может быть, другие мужчины «штурмовали» горку и опять скатывались вниз. Зато какая радость была мальчишкам, протащившим свои салазки или самокаты по забитому снегом проулку на вершину горы, катить с нее с восторгом и страхом!

В конце февраля висевшую на клубном стенде недели четыре афишу с «Волгой-Волгой» сменили на «Разгром немецких войск под Москвой». К началу сеанса люди пошли сплошным потоком...

Коля и Витёк в первый день кино не посмотрели. Баба Лена работала в утреннюю смену, и сбежать на улицу они не смогли. Баба Лена сказала, что «в такой мороз хороший хозяин собаку из дому не выгонит», хотя морозило не так уж сильно, но холодный ветер продувал насквозь. А дед вместе с другими «штурмовал»

Крутиху. Ребята сидели у репродуктора. Включенный на полную громкость, он все равно говорил тихо, а порою хрипел, но ребята к этому привыкли и почти все понимали. В доме была книга. Библиотечная. «Пятнадцатилетний капитан». Книгу по вечерам вслух читала баба Лена, иногда дед. Мальчишки могли читать только по складам. Коля в школу должен был идти осенью, а Витёк – через год.

На следующий день братья попали в кинозал. Это было несложно, людей пришло еще больше, а где много взрослых, там маленькому легко затеряться, нужно только быть не с краю, а затеряться в середине. В двери, мимо контролера, протискивались сразу по три, четыре человека, а иногда кто-нибудь протягивал целую ленту билетов. И говорил, показывая на окружающих: «Эти со мной!», а заматанные таким многолюдством контролеры не считали, соответствует ли число протиснувшихся мимо числу билетов.

Кино ошеломило мальчишек. Там по снежным полям неслись выкрашенные белой краской танки, скакала конница, бежали в атаку красноармейцы, друг за другом шли лыжники с автоматами. А еще показывали разбитые немецкие пушки, танки и автомобили – ими были завалены обочины дорог и освобожденные города. Но когда показывали замученных фашистами красноармейцев, у ребят от ужаса глаза делались круглыми. Нет, они не отворачивались от экрана. Они знали о жестокости войны.

Пробрались братья в кинозал и на следующий день, а потом через два дня еще. Благо, баба Лена работала в вечернюю смену, а дед все никак не мог завоевать неприступную Крутиху. А после четвертого похода в кино случилась беда, с Витька сдернули шапку. Его, сдавленного массой людей, выносило из клубных дверей, и в этой толкотне на шапку позарился кто-то из шпаны. Витёк носил ее, не завязывая. Не маленький он, в конце концов. А баба Лена всегда спрашивала, отправляя его на улицу: «Шапку завязал?», и проверяла, подвязал он тесемки или нет.

Колю не проверяла. Коля отличался аккуратностью.

Витёк стоял, привалившись к бетонному ограждению, и ревел, ревел по-настоящему. Люди шли мимо, но мало кто обращал внимание на плачущего мальчика. А потом Витька нашел Коля. Ему не нужно было ничего объяснять. Он знал местную шпану и сам мог стать таким же, но у него были строгие дед и бабка.

Мороз стоял нешуточный, лестница не освещалась и скоро опустела. Люди, посмотревшие кино, ушли, пришедшие смотреть уже зашли в зал, а Витёк все стоял на том же месте. Коля не мог уговорить его пойти домой, тогда он дал Витьку подзатыльники и ушел. Вернулся он не скоро и не один. С тетей Ниной. Тетя Нина жила в том же доме, где и они, «за стенкой». Она работала в школе учительницей.

Витёк уже не ревел. Он, как мог, натянул на стриженую голову фуфайчку, стоял и хлопал носом. Тетя Нина повязала его своим платком и повела домой. Витёк не упирался, а дома, не раздеваясь, забрался на топчан, забился к самому краю и уснул.

Проснулся он от громкого голоса бабы Лены: «Хоть бы ему башку оторвали вместе с шапкой!» Она ругала Колю, а между сыпавшимися упреками пыталась выведать, что там вчера вечером произошло. Витёк буркнул утреннее приветствие, заткнул в валенки ноги, накиннул на плечи фуфайку и высочил на улицу по надобности. За ночь мороз не смягчился, а стал злее. Да еще и ветер подул. Вот уж, действительно, в такую погоду хороший хозяин собаку из дому не выгонит. Когда он вернулся, баба Лена гремела посудой, а Коля сидел на топчане и по складам читал «Пятнадцатилетнего капитана». Витёк не знал, что успел наврать брат бабе Лене, подсел к нему, и они стали шептаться. Но Коля ничего не наврал. Он рассказал всё, как было... Потом баба Лена позвала их за стол, а за завтраком объявила, что теперь никакой улицы, никакого кино: «Будете сидеть дома и читать!»

После полудня к ним зашла тетя Нина. Она принесла Витьку Костину шапку. Костя, ее сын,

весной сорок первого вернулся со «срочной», а в июле его «забрали на войну». Тетя Нина получила два письма: одно с дороги, а второе оттуда, где очень красиво и течет большая река, чудная при всякой погоде – так он написал. Взрослые восхищались Костиной находчивостью, а недели через три по радио передали, что наши оставили Киев. Больше тетя Нина писем от Кости не получила. Она стала часто плакать, но потом к ней подсадили эвакуированных – женщину с двумя девочками-школьницами, и плакать тетя Нина стала реже.

Костина шапка была Витьку великовата, но она очень понравилась мальчику, и он примерял шапку так и этак, кривляясь перед зеркалом. Тетя Нина опять заплакала, а Витёк решил, что ей жалко отдавать такую хорошую шапку и сказал:

– Не плачьте, тетя Нина! С меня ее смогут сорвать только с башкой!

Тетя Нина заплакала еще горше и пошла к себе.

Вечером баба Лена и дед пошли в кино. Коля с Витьком тоже пошли в кино, а тетя Нина не пошла. Она сказала, что ей не справиться с собой, что она будет весь сеанс реветь и испортит людям отдых.

Мороз ослабел. Людей, пришедших смотреть кино, набрался полный зал и балкон. Те, кому не хватило мест, стояли в проходах. И опять на экране бежали в атаку красноармейцы, белые танки неслись по полю и мчалась конница. И опять становились круглыми, немигающими глаза, когда шли кадры о зверствах захватчиков. Оглушительная тишина обрушивалась в эти минуты на зал, и только всхлипывания женщин в темноте зрительных рядов нарушали ее.

Четвертую неделю крутили в клубе «Разгром...», а народ шел и шел к каждому сеансу, и толпа, поднимающаяся по лестнице к клубу, становилась день ото дня плотнее. Эти люди даже в самые тяжелые месяцы верили в победу, и сейчас шли за подтверждением своей веры. И после каждого просмотра они выходили те же, но уже другие, потому что это было Великое кино, созданное Великим народом.

Молодой, деловой был,
горячий,
На работе себя не щадил,
И поэтому мой участок
На заводе среди лучших был.

Приносила работа радость,
Огорчала, когда был сбой.
Я гордился своей бригадой,
И бригада гордилась собой.

Лишь один, пожилой
и не гордый,
В стороне от успехов стоял:
Он не то что давал рекорды –
Он и план не всегда давал.

Я ему сочувствовал даже,
Видел, как ему нелегко.
Он в вечернюю смену
однажды
На работу пришел
под хмельком.

Я его пригласил в конторку,
Свой поведал ему наказ:
– За такое выгоню к черту,
Если будет еще хоть раз!

Он ответил, правда, не сразу,
Видно, мысли терялись
в пути:
– Нет, не будет другого раза,
Ты меня, командир, прости.

Он стал лучше работать,
но скоро –
Отголосок военной судьбы –
Отыскал его старый осколок:
Развернулся в груди и убил.

До кладбищенской
до ограды,
Не скрывая свою печаль,
Молодая наша бригада
Гроб несл
на крепких плечах.

Разлетаясь за дальние дали,
Заглушая все звуки окрест,
Дунул в трубы,
в литавры ударил,
Зарыдал гарнизонный
оркестр.

Трубы плавилась
в солнечном свете,
Колыхалась людская волна,
И несли на подушечках дети
Боевые его ордена.

В голове моей билась фраза,
Как нахлынувшая беда:
«Нет, не будет другого раза,
Никакого не будет раза
Никогда, никогда, никогда»...

